

На правах рукописи

Мукабенова Жанна Алексеевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

Научный руководитель: **Мушаев Владимир Наранович,**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Каменский Михаил Васильевич,**
доктор филологических наук, доцент,
профессор департамента лингвистики факультета международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»;

Каллаур Валентина Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры европейских и восточных языков ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

Ведущая организация: **ФГБНУ «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»** (г. Уфа)

Защита состоится «20» декабря 2024 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/6353/>

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цвет относится к одному из изначальных сигнальных маркеров восприятия и понимания. Все, что человек совершает, он визуально на уровне чувств и ощущений отражает в своей языковой картине мира. Специфическими элементами этнической языковой картины мира являются цветообозначения с их особым культурным фоном и богатой символикой.

Цветообозначения в качестве объекта лингвистических исследований выступают с 70-х годов XX века, и к настоящему времени имеются научные результаты разноаспектного изучения лексики цвета на материале разных языков мира, выявляются актуальные проблемы лингвоколористики, определяются дальнейшие перспективы анализа колоронимов. Одной из важных теоретических проблем данного направления является вопрос выбора терминологии (Борисова 2008). Ряд работ посвящен семантике, сочетаемости, символике цветообозначений, в том числе и в аспекте перевода (Аксенова 2016; Ващенко 2000; Рахилина 2000; Рахилина 2007; Макеенко 1999). Анализируются цветообозначения в художественных текстах как элементы проявления индивидуального стиля поэта или писателя (Биль 2010; Тимофеева 2003). Пристальное внимание ученых обращено на вопросы лингвокультурологической специфики цветообозначений, например, выявляются особенности цвета в этнических картинах мира на материале русского, башкирского, бурятского и др. языков (Вежбицкая 1997; Лапшина 2011; Маслова 2014; Маслова 2004; Файзуллина 2005; Хинзеева 2011; Алымова 2007; Цыганова 2000; Габышева 2009; Кормушин 2001; Охрицкая 2010, Муратова, 2018, Муратова 2024), анализируются особые цветовые концептосферы (Гатауллина 2005; Кульпина 2019). Уникальность лингвоцветовой картины мира доказывается и в исследованиях сопоставительного характера, выполненных, как правило, на материале разноструктурных языков (Ансорова, 2022; Жаркынбекова 2024; Кульпина 2001; Светличная 2003), с применением метода ассоциативного эксперимента (Василевич 1987; Василевич 1983; Жаркынбекова 1999; Жаркынбекова 2003; Касаткина 2016; Семенова 2005; Бухаева 2010; Самбуева 2005).

Цветообозначения в монгольских языках, в том числе и в сравнительном аспекте, рассматриваются с точки зрения этимологии (Кузьменков 1988), семантики (Майзина 2008; Пименова 1990; Семенова 2010), лингвокультурологии (Олядыкова 2006; Санжина 2018; Омакаева 2009).

Большинство исследований цветовой лексики в калмыцком языке проводится на материале культурно значимых текстов – эпоса (Бадгаев 2015; Бачаева 2015; Манджикова 2002; Омакаева 2019а; Омакаева 2019б; Омакаева 2001; Салыкова 2013), сказки (Баянова 2020); триад (Менкенова 2014; Омакаева 2011), фразеологизмов (Куканова 2011). Значительная часть работ посвящена цветовым концептам в калмыцкой лингвокультуре (Голубева 2008; Голубева 2009; Есенова 2012; Есенова, Кравченко 2002; Монраев 2006; Монраев 2008; Монраев 2009; Омакаева 2009).

Цветообозначения в корейском языке и в корейской лингвоцветовой картине

мира представляют собой малоизученную тему (см., например, работы (Щим, Львова 2007; Лапшина 2011, Дубровская 2014, Дубровская 2015, Жукобаева 2019, Чве Енги 2020) и требуют дальнейших лингвистических изысканий.

Колоронимы представляют собой богатый материал, анализ которого позволяет выявить национальную специфику языковой картины мира этноса. Особенности национальной языковой картины мира еще более четко проявляются в результатах исследований сопоставительного характера, выполненных на материале разных языков.

Актуальность данного исследования обусловлена важностью изучения лингвокогнитивной категории цвета в калмыцкой и корейской языковой картине мира, отсутствием специальных сопоставительных исследований калмыцкой и корейской национальной лингвоцветовой картины мира. Учитывая традиционную символическую нагруженность цветообозначений, их функционирование в устойчивых сочетаниях, не менее важно иметь представление об имеющихся сходствах и различиях в восприятии и культурном представлении базовых цветов, отражающихся в языковом сознании современных носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

Объект диссертационного исследования – языковая картина мира калмыков и корейцев.

Предметом исследования являются обозначения базовых цветов (белый, черный, красный, желтый, синий) в калмыцком и корейском языках, их культурная нагруженность и современный ассоциативный фон.

Цель диссертационного исследования – выявление традиционных и современных лингвокультурных особенностей фрагментов этнокультурной языковой картины калмыков и корейцев – цветообозначений цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий).

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих **задач**:

1. Определить основные направления изучения национальной специфики цветообозначений.

2. Уточнить символическую нагруженность и оценочность цветообозначений цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий) посредством анализа калмыцких и корейских культурно значимых текстов.

3. Выявить современное восприятие цветообозначений носителями калмыцкой и корейской культуры, используя метод ассоциативного эксперимента.

4. Осуществить сравнительный анализ ассоциативных полей обозначений базовых цветов в калмыцкой и корейской лингвоцветовой картине мира.

5. Выявить универсальные и этноспецифические лингвокультурные элементы ассоциативных цветовых полей в калмыцкой и корейской языковой картине мира.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы являются фундаментальные лингвистические исследования (Берлин, Кей

(1969), Ю.Д. Апресян (1995), В.Б. Касевич (1996), И.В. Макеенко (1999), В.Г. Кульпина (2001, 2019), и др.), а также труды в области когнитивной семантики, психолингвистики, лингвокультурологии (А.А. Залевская (1971, 2005), Р.М. Фрумкина (1984, 1992), А.П. Василевич (1983, 1987), В.И. Карасик (1996, 2000, 2002), Г.Д. Гачев (1998), Ю.Н. Караулов (2000, 2004), Е.В. Рахилина (2000, 2007), Е.И. Горошко (2001), Т.Ю. Светличная (2003), В.П. Белянин (2005), И.А. Стернин, З.Д. Попова (2006, 2007), Ю.А. Сорокин (2007) и др.)

Научная новизна работы заключается в следующем: проанализирована и систематизирована символика и оценочность цветообозначений в культурно значимых текстах на калмыцком и корейском языках; осуществлен сравнительный анализ базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков; выявлены глубинные сходства и специфика калмыцкой и корейской лингвоцветовой картины мира; определены ассоциативные поля калмыцких и корейских базовых цветообозначений, включающие в себя как традиционные лингвокультурные элементы, так и новые современные культурно отмеченные единицы.

Теоретическая значимость работы. Диссертационное исследование вносит вклад в развитие сопоставительных исследований лингвоцветовой картины мира разных этносов, способствует уточнению лингвокультурной специфики колоративов. Применение ассоциативного эксперимента, обеспечивающего получение данных о современном составе ассоциативных полей базовых цветообозначений, подтверждает эффективность данного способа исследования языкового сознания носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

Практическая значимость работы. Материал и результаты свободного ассоциативного эксперимента могут быть использованы в образовательных программах для разработки лекционных курсов по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, спецкурсов по лингвоколористике (в том числе в сопоставительном аспекте), переводоведению.

Материалом исследования являются устойчивые сочетания с цветообозначениями цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий), извлеченные из словарей калмыцкого и корейского языков, сборников пословиц, поговорок, фразеологизмов, а также реакции на стимулы-цветообозначения, полученные в ходе ассоциативного эксперимента от носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

В диссертационном исследовании используются различные **методы** научного исследования: сопоставительный метод, позволяющий установить национально-культурную специфику калмыцкой и корейской лингвокультуры; описательный метод, необходимый для классификации и обобщения лингвистического материала; ассоциативный эксперимент позволяет выявить особенности лингвоцветовой картины мира калмыков и корейцев. В работе также используются метод комплексного концептуально-семантического анализа, лингвокультурологический анализ, прием частотно-статистической характеристики и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Цветовые представления калмыков и корейцев, имеющие глубинное сходство, обладают национальной спецификой, обусловленной особенностями культурно-исторического развития этносов. Среди элементов, составляющих культурный фон базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков, обнаруживаются как общие для народов Азии, так и этноспецифические.

2. Данные, полученные в ходе ассоциативных экспериментов, позволяют выполнить сравнительный анализ восприятия цветообозначений носителями калмыцкой и корейской лингвокультур и способствуют выявлению их особенностей (например, в ядро ассоциаций с черным цветом в языковом сознании калмыков входит 'смерть', 'шулмусы', в то время как в языковом сознании корейцев ядро цветообозначения «черный» составляют прилагательные 'темный' и 'аккуратный').

3. Изменчивость образа базового цветообозначения обусловлена динамикой социокультурной среды, в том числе сменой реалий. Различия, наблюдаемые в использовании наименований цвета и их восприятии, определяются культурными традициями калмыков и корейцев.

4. Ассоциативное поле базовых цветообозначений в калмыцкой и корейской языковой картине мира, частично сохраняя традиционные лингвокультурные элементы, вбирает в себя новые современные культурно отмеченные единицы.

5. Образ слова-цветообозначения формируется в сознании индивида (носителя конкретного языка и определенной лингвокультуры) под влиянием факторов индивидуального знания, культурной информации о базовом цвете и стереотипов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования цветовых компонентов были представлены в докладах на научных конференциях общероссийского и международного уровней: «Язык и межкультурная коммуникация в современном мире» (Курск, 2015); «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 2020). Содержание исследования отражено в 10 научных статьях, 5 из которых опубликованы в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 5 – в изданиях, индексируемых в РИНЦ (из них 2 – в сборниках материалов научных мероприятий).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (277 наименований) и пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи, отмечена методологическая база исследования, ее теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту, описана структура диссертации, дается информация об апробации положений исследования.

Глава 1 «История изучения цветообозначений как фрагментов

этнокультурной языковой картины мира» состоит из трех разделов. В разделе 1.1. «Язык, культура, картина мира как элемент культуры» излагаются проблемы изучения взаимоотношения человека, языка и культуры, рассматриваются такие базовые понятия лингвокультурологии, как концептуальная картина мира (научная), языковая картина мира, наивная картина мира, устанавливаются соответствия между вышеобозначенными терминами и дается их определение. В настоящем исследовании под *картиной мира* понимается определенная система отношений человека к миру, совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в результате активной познавательной деятельности, осуществляемой человеком.

Различным аспектам проблемы картины мира посвящены труды Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995]; С.А. Аскольдова [Аскольдов 1997]; А.В. Бондарко [Бондарко 1996]; Г.В. Колшанского [Колшанский 1990]; Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1996]; В.Б. Касевича [Касевич 1996]; В.Г. Кульпиной [Кульпина 2001]; Н.С. Новиковой [Новикова 2000]; В.А. Пищальниковой [Пищальникова 1999]; Б.А. Серебренникова [Серебренников 1983]; Ю.С. Степанова [Степанов 1997]; О. А. Турбиной [Турбина 1997]; Н.В. Черемисиной [Черемисина 2000]; Ч. Филлмора [Филлмор 1998] и др.

Взаимосвязь языка и культуры дает достаточно полное представление о базовых культурных установках. Можно сказать, что образ жизни человека создает ментальные убеждения, влияющие на сценарий и механизм мышления, а те, в свою очередь, формируют национальную культуру, которая определяет своеобразие психической и языковой организации национального сознания.

Раздел 1.2. «Трактовка понятия лингвоцветовой картины мира в современном языкознании» посвящен понятию лингвоцветовой картины мира, цветовой картины мира, а также категории цвета, которая фиксирует данные о цветовом разнообразии окружающего мира и его восприятию в зависимости от сформировавшихся этнических традиций, в том числе и эстетических, связанных с образным мировидением. Категория цвета входит в состав *лингвоцветовой* картины мира и далее – *цветовой*. *Цветовая* картина мира основывается на особенностях цветового восприятия той или иной культуры и отражается в ментальном пространстве каждого отдельного человека. Фундамент исследований цветовых представлений в языке заложили такие ученые, как В. Тернер [Тернер 1983], Б. Берлин, П. Кей [Берлин 1969], Р. М. Фрумкина [Фрумкина 1984], М. А. Бородина, В. Г. Гак [Бородина 1971].

Исследование лингвоцветовой картины мира в отечественной лингвистике имеет давние традиции и отличается разноаспектностью. Так, выделяются труды в области лексики цвета и стилистики [Качаева 1970; Панкратьева 1970; Брагина 1972; Василевич 1987 и др.]. Экспериментальные методы используются в психолингвистических исследованиях лингвоцветовой картины мира [Василевич 1983; Фрумкина 2001 и др.]. Широко представлен сопоставительный аспект изучения лингвоцветовой картины мира [Москович 1969; Гак 1977; Норманская 2005; Светличная 2003 и др.].

Представленный в лингвистике массив исследовательских работ явно

характеризует 6 самостоятельных векторов научных изысканий: историко-эволютивный, функционально-грамматический, психолингвистический, когнитивно-семантический, сопоставительный и лингвокультурологический, которые, с одной стороны, отражают динамичность становления цветолингвистической концепции, с другой – демонстрируют некоторую изолированность авторских подходов к методологии колористического языкознания в целом.

Лингвоцветовая картина мира отличается своей динамикой, в разное время претерпевая некоторые изменения, которые освещаются в научной литературе, выражаются в культуре разных народов. Цвет и цветообозначения обладают большой культурной значимостью и рассматриваются как компоненты культуры со своей сложной и разнообразной системой смыслов, толкований, а так как культура постоянно подвергается изменениям, то этот процесс затрагивает и символику цветообозначений.

Цветовая картина мира является одной из важнейших составляющих *языковой* картины мира. Система цветоименований каждого народа имеет свои особенности, поскольку в ней отражается сформированный в различных историко-географических и общественных условиях ассоциативный культурный фон.

В разделе 1.3. **«Лингвокультурологические исследования цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев»** представлен обзор научных работ, посвященных вопросам цветообозначений в культуре калмыцкого и корейского народов.

В разделе 1.3.1. **«Цвет в калмыцкой лингвокультуре: аспекты исследования»** приводятся символы-реакции из калмыцко-русского словаря под редакцией Б.Д. Муниева, демонстрируются результаты анализа топонимической цветовой лексики в «Словаре топонимов Республики Калмыкия [Гедеева и др. 2019], анализируются работы, посвященные аспектам калмыцкой лингвоцветовой картине мира: [Пюрбеев 1993], [Годаева 1976], [Голубева 2006], [Есенова 2012], [Омакаева 2001; Омакаева 2009в; Омакаева 2011; Омакаева 2019б] и др. Так, Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что «принцип цветообозначения играет очень важную роль в фольклорном тексте, особенно эпическом» [Пюрбеев 1993].

Количество работ, так или иначе затрагивающих проблематику особенностей цвета в калмыцкой лингвокультуре, увеличивается с 2000-х гг. Е.В. Голубевой рассматривается концепт цветообозначения как компонент национально-культурной специфики картины мира в калмыцком языке, делается вывод, что символическое значение концепта цвета наряду с символическими значениями концептов пространства, времени и числа составляют национальную картину мира [Голубева 2006]. В монографии Т.С. Есеновой «Очерки по лингвокультуре калмыков» рассмотрены ментальные образования калмыцкой концептосферы, при этом автором учитывается традиционный способ хозяйствования, образа жизни, особенностей среды обитания и национального характера калмыков [Есенова 2012]. Ряд научных статей, посвященных цветовой символике в калмыцкой культуре принадлежит Э.У. Омакаевой

[Омакаева 2001; Омакаева 2009в; Омакаева 2011; Омакаева 2019б]. Автор делит цвета на отцовские и материнский (белый), упоминает, что «монгольские народы традиционно выделяют в качестве основных 5 цветов (черный, красный, сине-зеленый, белый и желтый)» [Омакаева 2009а: 122]. Роль пяти основных цветов в калмыцких народных сказках-триадах представлена в статье Босхомджиевой Е.Б. и Менкеновой К.В. [Босхомджиева, Менкенова 2014: 223].

Ряд статей В.В. Салыковой посвящен цветонаименованию в тексте героического эпоса «Джангар» [Салыкова 2013: 33]. В статье С.Б. Сарбашевой, Б.Х. Борлыковой, Е.Б.-Б. Дертыновой, анализируются семантические особенности цветонаименований «чёрный» и «белый» в алтайском эпосе «Маадай-Кара» и калмыцком эпосе «Джангар» [Сарбашева, Борлыкова, Дертынова 2021]. Специфике колоративной лексики в фольклорной культуре и героическом эпосе «Джангар» посвящена статья В.В. Мукабеновой и К.В. Менкеновой, где рассматриваются пять основных цветов в этом фольклорном тексте. Цветообозначения в эпосе «Джангар» с точки зрения их частотности рассматривались в работах Н.Б. Бадгаева [Бадгаев 2015], Б.Х. Тодаевой [2007], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2015], В.В. Салыковой [Салыкова 2013], С.Е. Бачаевой [Бачаева 2015], Н.Ч. Очировой, С.Е. Бачаевой, Н.М. Мулаевой [Очирова и др. 2015: 143] и др.

Рассмотрены в различных аспектах отличительные особенности соответствия калмыцких и русских цветообозначений [Голубева 2008; Монраев 2009; Куканова, Омакаева 2011 и др.].

В разделе 1.3.2. **«Цвет в корейской лингвокультуре: аспекты исследования»** рассматривается цветовая культура корейского народа, выделяются основные цвета, связанные с пятью направлениями и стихиями, с теорией пяти элементов Инь и Ян. Так, синий (зеленый) (стихия дерева) цвет символизирует восток, белый (стихия золота) – запад, красный (стихия огня) – юг, черный (стихия воды) – север, желтый (золотой) (стихия земли) – центр.

Первые работы, посвященные исследованию символики цвета, были диссертации Пак Сани (1978) и Пэк Ёнчжа (1985) о пяти основных цветах. Фразеологические единицы и устойчивые словосочетания исследует Пак Сонгу и приходит к выводу, что в каждом языке группа цветообозначений исторически складывалась так, чтобы оптимально соответствовать потребностям носителей языка [Пак Сонгу 1999].

Ким Хи Чжон в 1999 году была первой, кто предпринял попытку исследования цветообозначения и дизайна с использованием пяти основных цветов. После исследования Ким Х.Ч. регулярно появляются работы и других исследователей.

Исследования пяти основных цветов в русле лингвокультурологии активно проводятся корейскими исследователями с начала XXI в. Ён Джиён (1999) подчеркивает сходства и различия семантики цвета в живой культуре с помощью цветковых символов в корейских и английских пословицах [Ён Джиён 1999]. Су Чоён (2002, 2003) сравнивает символические значения цветообозначений, встречающихся в немецком языке, британском и американском вариантах английского языка. Квон Ёнсон (2003) анализирует

значение цветowych слов, которые встречаются в идиоматических выражениях, одновременно исследуя символическую нагруженность цветообозначений [Квон Ёнгель 2003]. Пак Сонхе и Квон Ёнгель (2005) касаются вопросов изучения языкового сознания корейцев на материале корейских паремий с цветовым компонентом [Пак Сонхе, Квон Ёнгель 2005]. Сопоставительный анализ цветообозначений в корейском и японском языках проводит Ли Ынсоп [Ли Ынсоп 2008]. Идею о том, что значение цветообозначений в корейских фразеологических оборотах и пословицах не всегда совпадает со словарной дефиницией раскрывает в своей работе Чан Гёнхён, взяв для анализа только белый и черный цвета. Объектом изучения Хван Хеёнг в области цветолингвистики стали идиоматические выражения с цветообозначениями «черный» и «белый» в корейском и китайском языках [Хванг Хеёнг 2018]. Символике цветообозначений в русских и корейских выражениях посвящена работа Чве Енги и Чве Джин [Чве Енги, Чве Джин 2020].

Язык цвета каждого народа формируется в зависимости от своих историко-географических и социально-экономических условий и имеет свои особенности, отражая различные ассоциации в культуре народа. Но вместе с тем сравнительно-сопоставительные исследования позволяют обратиться к базовым и универсальным моделям восприятия языковой личностью мира цвета. В данной работе мы рассматриваем в качестве основных цветов пять: белый, черный, красный, желтый и синий (зеленый), при этом зеленый цвет является синонимом синего цвета в культурах калмыков и корейцев.

Глава 2. «**Цветообозначения в языковой картине мира калмыков и корейцев**» состоит из двух разделов, в первом анализируются ахроматические цвета (белый и черный), а во втором – хроматические цвета (красный, желтый, синий) в калмыцком и корейском языках и культурах. Значения и ассоциации базовых цветов в калмыцком и корейском языках рассматриваются на материале словарей и культурно значимых текстов.

В ходе исследования были проанализированы 129 пословиц, 192 загадки, 25 поговорок и триад в калмыцких фольклорных текстах, где цветообозначение «черный» встречается в 119 текстах, «белый» – в 84, «красный» – в 53, «синий» – в 45, «желтый» – в 36.

В корейском языке были рассмотрены пословицы и устойчивые выражения с цветообозначениями «черный» – 56 текстов, «белый» – 42 текста, «желтый» – 40 текстов, «красный» – 29 текстов, «синий» – 26 текстов.

В разделе 2.1. «**Хроматические цвета (белый, черный)**» рассматриваются калмыцкие цветообозначения *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’ и корейские – 희다 [huida] ‘белый’, 검다 [komta] ‘черный’.

Цветообозначение *цаһан* в калмыцкой лингвокультуре, которое имеет преимущественно положительную коннотацию, в устойчивых сочетаниях употребляется с такими словами, как душа, сердце: *цаһан седкл* – ‘милая, добрая душа’. Человека с добрым сердцем называют *цаһан седклтэ* ‘с доброй душой’. В религиозной картине мира особое место уделяется белому цвету в названиях персонажей общемонгольского пантеона: например, *Цаһан аав*

‘Белый старец’, *Цаһан дэрк* ‘Белая Тара’. Черному цвету соответствует понятие «добуддийские верования» – *хар шажн* «черная вера».

Вместе с тем цветообозначение *цаһан* ‘белый’ в калмыцком языке может иметь и негативные коннотации, обозначая пустую внешнюю красоту. Белый и черный цвета изначально связаны с понятиями добра и зла, жизни и смерти, молодости и старости. Так, разделение на сословия у калмыков обозначается с помощью цветовой лексики: *цаһан яста улс (күн)* ‘аристократы’ (ант. *хар яста улс (күн)* – ‘простолюдины’). Черный же цвет с положительной оценкой в описании человека и его способностей выражает физическую силу и мощь, и чаще встречается в сочетании со словами: мясо, мышцы, сила (*хар чидл* ‘физическая сила’). Что касается качеств человека в отрицательном свете с цветообозначением «хар», то чаще с такими словами, как ум, голова, мысли, душа, сердце. Например, *хар санан (ухан)* ‘недобрые, черные мысли’ характеризует человека с неблагоприятными намерениями или *хар седкл* ‘злой умысел, вредительство’ буквально переводится на русский язык как ‘черная душа’.

Что касается корейской традиции, то цветообозначение *희다* [huida] ‘белый’ олицетворяет ясный и светлый ум, например, выражение *백미* [baegmi] ‘белые брови’ характеризует человека, умудренного опытом и знаниями, также может выступать символом лучшего: *여자와 쌀은 흰수록 좋다* [yeojawa ssal-eun huil sulog johda]. ‘Женщина и рис чем белее, тем лучше’. В Корее, как и на всем востоке, красавицей считается белокожая, белолицая женщина, а белый рис – созревшим. Белый цвет как признак женской красоты встречается в корейских пословицах регулярно: *희어야미인이다* [huieoyamiin-ida]. ‘Чтобы быть красивой, она должна быть белой’. Однако внешняя красота при отсутствии богатого внутреннего мира получает негативную оценку в выражении: *희뽀기는 백로 궁둥이다* [huiteobgi-neun baeglo gungdung-ida]. ‘Изящество на белой цапле’. Цветообозначение «белый» ассоциируется у корейцев с болезнью, усталостью *얼굴이 하얗다* [olgur-i hayatha] (букв. ‘иметь белое лицо’) или нездоровым внешним видом *창백하다* [changbaeg hada] (букв. ‘быть бледным’).

Черный цвет *검다* [komta] имеет положительную оценку в пословицах, обозначая молодость (*검은 머리 파뿌리 되도록* [geomeun meori pappuri doedorok]. букв. ‘Пусть черные волосы станут похожими на корень луковицы’) и удачу, счастье (*검은 점이 입가장 자리에 나있으면 먹을 복이 있다* [keomeunjeom-i ibgajang jali-e naiss-eumyeon meog-eul bog-i itta]. ‘Черная родинка на краю губ приносит счастье’). Также черный символизирует знания и грамотность: в пословице *흰 것은 종이요 검은 것은 글씨다* [huin geos-eun jong-iyo geom-eun geos-eun geulssida] (букв. ‘Белое – это лист бумаги, а черное – это буквы’). А в словосочетании *까막눈* [kkamag nun] ‘черные глаза’, означающем незнание букв. ‘неумение читать, невежество’, черный получает отрицательный оттенок. Такую же оценочность он приобретает, олицетворяя бедность и безнадежность будущего: *무식은 암흑이요 지식은 광명이다* [musig-eun amheug i'yo jisig-eun gwangmyeong-ida]. ‘Не ученье тьма, а ученье свет’. Черный цвет в

корейском языке символизирует неаккуратность и неопрятность: 검덕 귀신 [geomdeog gwisin] букв. ‘черный призрак’ означает ‘очень грязный, неряшливый’. Отрицательные явления (ложь, обман, взяточничество) в корейской лингвокультуре определяются как «черные»: 까만 거짓말 [kkaman gojitmal’]» ‘черная ложь’, 검정 돈을 받는다 [keomjeong don-eul badneunda]. букв. ‘Получить черные деньги’.

Таким образом, цветообозначение «белый» в корейской лингвокультуре получает положительную семантику (лучшее, женская красота, образ природы), но вместе с тем может приобретать и негативные смыслы. А «черный» в большей степени имеет негативную оценку и ассоциируется с неграмотностью и необразованностью, ложью, обманом, опасностью, взяточничеством.

В разделе 2.2. «Ахроматические цвета (красный, желтый, синий)» представлены три основные цветолексемы: калм. улан ‘красный’, шар ‘желтый’, көк ‘синий’; кор. 붉다 ‘красный’, 누르다 ‘желтый’, 푸르다 ‘синий’.

Цветообозначение улан в калмыцком языке символизирует жизнь и огонь, в религиозной культуре он присутствует в названиях школ буддизма, распространенного среди калмыков: «красношапочный» буддизм представлен в Калмыкии школами Кагью, Сакья и Ньигма.

Цветообозначение улан с давних пор использовали при восхвалении и описании силы и ловкости богатырей, их мужества (улан эмэн батлх в значении ‘закалять, крепить’). Красный у калмыков также является символом жизни (улан эм ‘жизнь, душа’) и красоты (улан хачр (халх, чирк) ‘алые ланиты, красные румяные щеки’; минт улан урл ‘алые губы’). Красный цвет крови в идиоме улан цусан асхх ‘проливать кровь’ также связан с понятием жизни.

Однако красный цвет ассоциируется в калмыцкой лингвоцветовой картине мира и с такими негативными явлениями, как несостоятельность, неблагополучие, нищета и даже смерть. Основным образом в фразеологизмах со значением ‘стать / быть нищим’ является улан махн ‘красное мясо’; улан махмудтан күрх ‘обнищать’. Сочетание улан махн является знаком несчастья, означает у калмыков быть голым, без одежды.

Улан ‘красный’ ассоциируется, с одной стороны, с жизнью самого человека, смелостью, силой, любовью, красотой, и с другой – с жадностью, опасностью, нищетой, неблагополучием в целом.

В корейской культуре красный цвет символизирует лето и горячую энергию в системе пяти элементов. Очень часто красный использовался в обрядах в качестве защиты от злых духов [Кён Нохун 2014: 4]. Также красный – это цвет удачи, богатства, процветания [Чень Си 1991: 19].

Связь красного цвета с красотой обнаруживается в корейских нравоучительных пословицах: 남의 꽃은 붉게 보인다 [nam-uikkoch-eunbulg-geboinda]. ‘Цветы других людей кажутся краснее’. Чужая вещь всегда кажется лучше своей. Красная фасоль представляет собой метафору непомерной силы при желании добиться своей цели: 붉은 팥은 기왓장도 뚫는다 [bulg-eun pat-eun giwasjangdo ttulhneunda]. ‘Красная фасоль может пробиться даже сквозь черепицу’. Символом достижения цели у корейцев выступает также красный

цвет (перца): 가을 고추밭에서 다홍 고추 따듯한다 [ga-eul gochubat-eseo dahong gochu ttadeushanda]. ‘Красный перец теплый на осеннем поле перца’. Красный цвет созревшего перца в данном выражении означает достигнутую цель.

Отрицательную оценочность цветообозначение «красный» получает при описании таких человеческих качеств, как хитрость (‘танцевать в чужом красном халате’), азарт, страсть. В пословице 빨간 상놈 푸른 양반 [ppalgan sangnom puleun yangban]. ‘Красный мужлан и синий дворянин’ противопоставляются два цвета – красный и синий как нечто отрицательное и положительное. Примечательно то, что синий и красный цвета являются символами не только мужского и женского, но и могут указывать на статусность человека (простолюдина и дворянина).

В корейской лингвоцветовой картине мира цветообозначение «красный» с положительной коннотацией встречается чаще, чем с отрицательной.

Желтый цвет символизирует вероисповедание народа и пользуется особым почитанием у калмыков-ламаистов как символ буддизма, солнца и символизирует долгую жизнь. Этот цветовой компонент содержится в термине *шар шажн* ‘желтая вера, буддизм’. Солнце как символ жизни, плодородия и благополучия также ассоциируется с теплым желтым цветом.

В целом желтый цвет в калмыцкой лингвоцветовой картине мира связан с разнообразными этноспецифическими особенностями жизни и быта. Прилагательное *шар* в калмыцком языке употребляется как для описания окружающего мира, так и для характеристики внешнего и внутреннего мира человека: внешности, умственных и физических способностей, эмоционального и психического состояния.

В результате анализа особенностей коннотации цветообозначения *шар* выясняется, что в калмыцком языке с желтым цветом преимущественно связана положительная оценка, однако в переносном значении данное цветообозначение может содержать в себе и негативный оттенок, выражая эмоцию гнева, негодования или возмущения (*шар булна* ‘желчь вскипает’). Примеры культурно значимых текстов с цветообозначением *шар* с отрицательной оценкой единичны, что может указывать на явное преобладание позитивного восприятия цвета *шар* в калмыцкой лингвокультуре.

В корейской культуре желтый цвет в прошлом был символом благородства, поэтому использовать его многим людям было запрещено. Королевская семья могла носить желтую одежду, а его подданным носить одежду такого же цвета не разрешалось [Квак Ынхи 2018: 30]. Желтый также связывается с божественностью в буддизме.

Так как корейский народ издавна занимался земледелием, то желтый у них связан с урожаем, изобилием и богатством. Сочетание 황금 [hwanggeum] «желтое золото» в паремиях может иметь различные коннотации, как положительные, так и отрицательные. Например, в корейских пословицах указывается на то, что деньги могут развращать даже людей с благородным характером: 황금은 선비의 마음조차 검게 만든다 [hwang-geum-eun seonbiui ma-eumjocha geomge mandeunda]. ‘Золото (букв. желтое золото) делает черным даже сердце ученого’.

В корейских пословицах или устойчивых выражениях наряду с желтым цветом встречается «черный». В следующей пословице упоминание черной собаки усиливает отрицательную оценочность желтого как цветового признака отрицательного образа: *누렁이에게 물려도 검둥이를 무서워 한다* [nuleong-iege mullyeodo geomdung-ileul museowo handa]. ‘Даже если укусит желтая собака, бояться черную’. «Черная собака» в Корее ассоциируется с грязью и нечистотами, с чем-то негативным [Чан Гёнхён 2007].

Желтый цвет в Корее связывается и с болезнью, проявлением нездоровья, которое может распространяться на все объекты, окружающие больного: *황달 병환자는 세상이 노랗게 보인다* [hwangdal byeonghwanjaneun sesang-i nolahge boinda]. Больные желтухой видят мир желтым.

Желтый, с одной стороны, ассоциируется в пословицах с достатком, изобилием, зрелостью, и с другой стороны, с такими негативными явлениями, как скудость, болезнь, зависть, любопытство, помехи, слабость. Значимым является использование цветообозначения «желтый» в одном контексте с цветообозначением «черный». В этих случаях желтый по сравнению с черным оказывается менее негативным, хотя и попадает в поле отрицательной оценки.

Символика синего цвета в калмыцкой культуре очень древняя и связана с вечно синим небом (*мөңк көк теңгр*), культ которого был распространен среди всех монголов, в том числе и ойрат-калмыков, до принятия ими буддизма (ламаизма) в качестве официальной религии.

Синий цвет *көк* в сочетании с наименованиями погодных характеристик или в описаниях природы приобретает разную оценку, как положительную, так и негативную: *Көк манан татвл, бора норхин темдг, киитн салькн сальквл, кир унхин темдг* ‘Когда синие тучи затянут небо – к дождю, когда подует холодный ветер – к инею’.

Цветолексема *көк* ‘синий’ может сравниваться с женской душой и в данной паремии получает положительную окраску: *Көк теңгр аһарарн сән, күүкн күн седкләрн сән* ‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка (женщина) – душой’.

В калмыцком языке цветообозначение *көк* ‘синий’ в сочетаниях с зоонимами может переводиться как серый цвет, с растениями – как зеленый, а в сочетании с небом и морем – голубым. Синий *көк* является символом мужского начала, а также практически не имеет случаев употребления с отрицательной коннотацией, что, вполне вероятно, связано с сакральностью синего цвета как цвета Вечного синего неба (Тенгр).

В корейской лингвокультуре *푸르다* [phureuda] ‘синий’ – это цвет чистой светлой жизни и энергии, с силой и умом, с молодостью и жизненной силой, что символизирует надежду, мечту о будущем. В устойчивом выражении *청운의꿈* [cheong-un-ui kkum] «мечта Синего облака» говорится о надежде молодых людей на карьеру или высокое положение в обществе. Еще данное цветообозначение ассоциируется с образованием и успешным обучением: *청출어람* [cheongchul-eolam] (букв. ‘синий происходит от цвета индиго’). ‘Ученик превосходит своего учителя’. Синий цвет является символом ума, грамотности и разума талантливого ученика.

Синий и красный цвета во многих культурах считаются парными и означают семью. Синий и красный в системе Инь–Ян означают мужское и женское начала, именно этим можно объяснить традиционный цвет одежды молодоженов в Корее на свадебной церемонии: синий у мужчины, красный у девушки. Синий и красный в таких значениях встречается в пословице 청실홍실 매야만 연분인가 [cheongsil hongsil maeyaman yeonbun-inga]. ‘Будет ли считаться союзом, если завязать красную и синюю нитки?’ Цветообозначения в приведенном примере обладают положительной оценочностью. Но оппозиция синий-красный может обозначать возраст: 청상과부는 살아도 홍상과부는 못산다 [cheongsang-gwabuneun sal-ado hongsang-gwabuneun mossanda]. ‘Синяя вдова может жить, а красная – нет’. Иными словами, молодая вдова еще может выйти повторно замуж, а вот вдова средних лет уже не сможет.

С синим цветом у корейцев ассоциируются негативные эмоции и состояния человека: 과랴게 질리다 [palahge jillida] или 과랴게 질린 얼굴 [parahge jillin eolgul] ‘синее лицо [от страха]’. Синий в корейской культуре и языке может символизировать как власть, силу, статус в обществе, спокойную жизнь, так и несчастье, убыток.

Анализ фольклорных текстов с изучаемыми цветообозначениями с точки зрения оценочности показал, что все рассмотренные цветообозначения в различных контекстах могут получать положительные и отрицательные коннотации или оставаться нейтральными, обозначая собственно цвет.

Глава 3 «Сравнительный анализ ассоциативного поля базовых цветолексем в языковом сознании калмыков и корейцев (результаты ассоциативного эксперимента)» состоит из 3 разделов; в первом описывается методика свободного ассоциативного эксперимента с комплексным предъявлением стимула, благодаря которой были получены ассоциативные поля на каждый цвет-стимул у калмыцких и корейских респондентов. Результаты такого эксперимента отражают национальную, возрастную специфику цветообозначений. Данные ассоциативного эксперимента показывают, что цветообозначения способны создавать обширные по объему ассоциативные поля, отражающие языковые, энциклопедические знания, а также знания человека, накопленные в результате личного опыта, что позволяет говорить об *ассоциативной лингвоцветовой картине мира*.

Ассоциативная лингвоцветовая картина мира является динамичным образованием по сравнению с лингвоцветовой картиной мира, она чувствительна к любым изменениям в общественной жизни этноса и отражает его социокультурный опыт. Ассоциативные поля выполняют функцию своеобразного индикатора времени, отражающего современное состояние языкового сознания представителей того или иного этноса. Об изменении образов сознания свидетельствуют словари, составленные в разное время в рамках одной социокультурной общности.

В эксперименте участвовали 200 калмыков, живущих в республике Калмыкия и за ее пределами, и 120 студентов-корейцев, живущих в республике Корея, заполнивших анкеты на корейском языке. Возраст респондентов

Калмыкии варьируется от 15 до 81 года, респондентов Кореи – 19–27 лет. В основном, респонденты – это студенты Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова и обучающиеся школ города Элисты. В Корее все респонденты студенты государственного университета Кёнгджу (г. Чинчжу). Все информанты калмыки заполняли анкеты на русском языке, корейцы – на корейском языке. Перевод реакций корейских респондентов выполнен автором работы. Выбор заполнения анкет на русском или корейском языках определялся автором, он зависел от языковой компетенции респондентов.

Эксперимент направлен на выявление сходств и различий в сознании, мышлении, менталитете современных представителей калмыцкого и корейского народов и культур, на выявление изменений в значении цвета, перехода от традиционного привычного восприятия цвета к совершенно новому, современному, т.е. выполняется своеобразный срез калмыцкой и корейской культуры и языка.

В следующих двух разделах анализируются результаты свободного ассоциативного эксперимента представителей калмыцкого и корейского этносов по ахроматическим цветам, далее – по хроматическим.

В сознании калмыков **белый** цвет больше ассоциируется со *снегом* (32 упоминания). При этом среди взрослого населения выделяется *Белый старец* (14 раз), у молодежи же на первом месте находится реакция *снег* (15). Встречаются реакции, касающиеся современных реалий. Например, реакции *свадьба, пломбир, обувь и простыня* отмечают оба поколения.

К реакциям с отрицательной оценкой относится *смерть* (32 упоминания), *пустота* (13 упоминаний). Реакции, имеющие отношение к смерти: *саван* (4 раза), *гроб* (5 раз), *мертвец* (1), *покойник* (1), *труп* (1), показывают, что **белый** цвет у калмыков ассоциируется со смертью и загробным миром. К теме смерти можно отнести и реакцию *привидение* (4 раза).

Сравнивая полученные реакции респондентов на цветообозначение «белый» со значениями в калмыцко-русском словаре под ред. Б.Д. Муниева как источника традиционной картины мира калмыков [КРС 1979: 622], приходим к выводу, что общей реакцией (и в нашем ассоциативном словаре, и в калмыцко-русском словаре) остаются ассоциаты *снег, бумага и белизна*. Лексем из калмыцко-русского словаря: *шелк, мука, серебряные деньги, серебряные монеты, седина* – в нашем ассоциативном словаре нет.

Отличие между реакциями молодого поколения двух разных этносов составляют реакции, несущие национально-культурную специфику жизни и быта. Например, у представителей калмыцкой молодежи – это *Белая Тара, смерть, рай, молоко, чай*. У корейцев к этнокультурным реалиям можно отнести реакции *тофу, похоронная женская одежда, ангел, магнолия, ханбок (традиционная одежда корейцев)*. Религиозная сфера жизни, а точнее буддийская вера, имеет мощную базовую опору в сознании калмыков. У корейцев прослеживаются четкие знания своей истории культуры и своих традиций, что скорее говорит о глубоком уважении и большом желании сохранить национально-культурную специфику своих предков.

В целом, можно сказать, что сходства реакций у калмыков и корейцев на ассоциат **белый** носят универсальный характер (*снег, облако, зима*). Реакции, отличные друг от друга, представляют периферийную часть, которая отражает жизнь и традиции народа, раскрывает основные специфические моменты в мышлении разных этносов.

Стимул белый	калмыки	корейцы
Ядро	<i>снег 32, смерть 32</i>	<i>чистота 31</i>
Периферия 1	<i>Белый старец 14, чистота 14, пустота 12, молоко 12, облако (облака) 12, свет 11</i>	<i>искренность 16, психбольница 12, пустота 11</i>

В языковом сознании калмыков ядром ассоциативного поля на стимул **белый** является *снег* и *смерть*, у корейцев – *чистота*. В периферийной части общие у обоих национальностей реакции: *облако (облака), пустота*. Реакции периферийной части у калмыков отражают материальные, физические предметы и вещи, а у корейцев эта часть нагружена абстрактными понятиями, больше описывающие психические и психологические состояния человека.

Цветообозначение «черный» по-разному отражается в сознании калмыков. Ядром в позитивной ассоциации у калмыков является *шулмус* (17 упоминаний). У представителей молодежи явного и четкого ядра с наибольшей частотой в 7 упоминаний выделяются *деньги, стиль* и *ночь*, что заметно подчеркивает современный подход к цветообозначению «черный». Также упоминаются ассоциации с разной частотностью: *ноутбук, коррупция, машина люкс, бургер, объектив* (фотоаппарата).

Ассоциаты в негативной части на стимул **черный** пересекаются с реакциями положительной части (*ночь, грусть, бедность, гнев, кот, квадрат, болезнь, боль, машина, одежда, телефон, душа, тьма, волосы и т.д.*). Можно предположить, что черный цвет тяготеет больше к нейтральной оценке, либо респонденты не обратили внимания на разную оценку в эксперименте.

Ядро ассоциативного поля в негативной части стимула **черный** составляет *смерть* (38 упоминаний), придающее явно отрицательную оценку данному понятию. Такие реакции, как *траур (15), похороны (7), гроб (7), печаль (4), грусть (2), старость (2), загробная жизнь (2), горе, плач, душа, черт*. говорят, что в калмыцком национальном сознании они связаны с негативными физическими и психологическими состояниями человека.

Ядром ассоциативного поля у корейской молодежи стала наиболее частотная реакция *темный (29 упоминаний), аккуратный (26 упоминаний)*. Отличительной чертой является отсутствие реакций с положительной оценкой – *нет (11 упоминаний)* – на цвет-стимул **черный**, чего не встречалось у калмыков, что подчеркивает ярко негативное отношение к черному цвету.

Ниже приведена сводная таблица ядра и периферий ассоциативного поля на стимул **черный**. По цветообозначению «черный» видно, что ассоциативное ядро у калмыков *смерть*, а у корейцев – *темный и аккуратный*. Как и в случае со стимулом **белый**, ответы корейских респондентов отличаются абстрактностью и являются определениями. В периферии-2 реакции корейских респондентов явно отстают по количеству. Основными неядерными реакциями у корейцев становятся *тьма, зло, ночь и смерть*. У калмыков – *ночь, шулмусы,*

траур, кот, машина, похороны, деньги и т.д. Тут периферийная цепочка отражает жизнь и традиции двух народов по-своему, раскрывает основные специфические моменты в национальном языковом сознании разных восточных этносов.

Стимул <i>черный</i>	калмыки	корейцы
Ядро	<i>смерть 40</i>	<i>темный 30, аккуратный 26</i>
Периферия 1	<i>шулмусы 23, ночь 20, траур 16, кот / кошка 13</i>	<i>тьма 19, нет ответов 14, ночь 10</i>

В разделе «Хроматические цвета (красный, желтый, синий)» ядром ассоциативного поля на стимул **красный** является *кровь (75 упоминаний)*, в периферии остаются *огонь (24), тюльпан (19), роза (13), страсть (10), пожар (9), цветы (7), сердце (7)*.

Ядром ассоциативного поля на стимул **красный** в позитивной части становится реакция *тюльпан (19)*, в негативной части – *кровь (61)*.

Отличительной реакцией старшей возрастной группы можно отнести реакции *флаг СССР (3), знамя (2), октябрь, СССР, командир, коммунист*. У молодежи отмечаются реакции, связанные с учебной: *оценки (2), красный диплом, карандаш (2)*.

Общими ассоциациями периферий двух поколений в негативной части являются *огонь, бык, глаза, опасность, война, ярость, агрессия, гнев, смерть и страх*. Данные ассоциации встречаются в фольклорных текстах, обозначая сложную жизнь, голод, бедность, в эмоционально-чувственном плане – гнев либо стыд. Экспрессивность **красного** стимула подтверждают такие реакции, как *бык (9), тряпка для быка (4), глаза быка (2) и тряпка (2)*.

Примечательно, что ядро ассоциативного поля **красный** у корейской молодежи и калмыцкой молодежи идентично и представлено ассоциатом *кровь (40 у корейцев и 36 у калмыков)*, с разной оценочностью.

К периферии-1 относятся следующие эмотивные реакции: *страсть (15), любовь (12), страстный (11), возбуждающий, горячий, упорный, раздражающий*. И существительные: *страсть (15), любовь (12), красота, счастье*. Данные реакции характеризуют цветообозначение «красный» как экспрессивный и яркий цвет.

Красный цвет у корейской молодежи связан с футболом (реакция *Юн Сок Ен* – южнокорейский футболист) и с фанатами национальной сборной команды Республики Корея, которых называют *красными дьяволами (2)* из-за их цвета одежды.

В негативной колонке корейской молодежи имеются реакции, связанные с политикой и историей: *политика, консервативная партия, компартия, история кровопролитной войны, Северная Корея*. У калмыков тема политики и войны ассоциируется с черным цветом.

Стимул <i>красный</i>	калмыки	корейцы
Ядро	<i>кровь 75</i>	<i>кровь 40</i>
Периферия 1	<i>огонь 24, тюльпан 19, розы/розы 13, страсть 10, бык 10, цветы 10</i>	<i>энергичный 23, страсть 15, любовь 12, страстный 11</i>

Ядром ассоциативного поля на стимул **желтый** у калмыцких респондентов является *солнце* (97 упоминаний) с позитивной оценкой, а с негативной – *болезнь* (13). Национально-религиозная специфика отражается в реакциях старшего и молодого поколений на стимул **желтый** – *буддизм* (11), *хурул*¹ (3), *тюльпан* (10), которые можно отнести к символу республики. Вместе с этой реакцией у старшего поколения отметим *калмыцкий флаг* (2), *флаг* (2), *имеющие отношение* к атрибутике государственных знаков.

Наряду с положительными реакциями, связанными с эмоциями и чувствами, состояниями, есть негативные: *раздражение* (4), *разлука* (4), *грусть* (3), *уныние* (2), *печаль*, *измена* (2), что демонстрирует обилие чувств с отрицательной оценочностью на стимул **желтый** у калмыков разных поколений.

У корейцев же ядром ассоциативного поля стала реакция *цветок* (19), а в негативной колонке с реакциями большое количество собрал ответ *нет* (22), то есть 22 респондента затруднялись назвать слова-реакции на стимул **желтый**. Возможно, **желтый** цвет для корейцев никак не соответствует чему-то плохому. С желтым цветом корейцы ассоциируют такие реакции, как *форзиция*, *яркие теплые солнечные лучи*, *детей*, *гармонию*, *счастье* (с позитивной стороны). С негативной же – *болезни*, *беспорядок*, *неприятное чувство одиночества*, *психическое расстройство* и другие.

Если сравнить с реакциями калмыков, то увидим, что много похожих представлений. В целом, желтый цвет оба народа оценивают как *солнце*, *цветы* (у калмыков – *тюльпан*, а у корейцев – *форзиция*), *тепло*, *свет*, *радость*, *счастье*, *любовь*. И с отрицательной оценкой желтый связан с болезнью и у калмыков, и у корейцев. Например, у корейцев – *желтуха* (4), *сумасшедший* (4), *болезнь* (3), *рвота* (3), *простуда*, *психическое расстройство*, *больной*, а у калмыков, как уже упоминали выше, *гной* (6), *цирроз* (4), *гангрена* (3), *болячка* (2), *желтуха* (2), *синяк* (2), *больная печень*, *гепатит*. Совпадающие реакции – это *желтуха* и *рвота*. Это может говорить, что желтый цвет у обоих этносов несет одну смысловую нагрузку.

Стимул желтый	калмыки	корейцы
Ядро	<i>солнце</i> 97,	<i>цветок</i> 19
Периферия 1	<i>тюльпан</i> 21, <i>болезнь</i> 13, <i>разлука</i> 11, <i>ржавчина</i> 11	<i>нет</i> 23, <i>форзиция</i> 13, <i>яркий</i> 12

Ядром ассоциативного поля на стимул **синий** у калмыков является ассоциат *море* (85), *небо* (50). По результатам ассоциативного эксперимента ядро на стимул **синий** у корейцев и у калмыков совпадает в реакции *море* (36 у корейцев).

Центральные логические реакции составляют реакции: *синяк* (4), *джинсы* (3), *василек* (2), *диплом*. К периферическим логическим связям могут относиться такие реакции, как *благородство*, *вера*, *глубина*, *государство*, *человек*, *папа*, имеющие субъективную оценку синего цвета.

Общими реакциями у старшего и молодого поколения на стимул **синий** являются: *иней*, *дыхание*, *океан*, *синяк*, *глубина*, *джинсы*, *свобода*.

¹ Буддийский храм у калмыков

Ядром ассоциативного поля **синий** с негативной оценкой является *холод* (20 упоминаний). Эмотивные реакции у старшего поколения (*благородство, вера, свобода, недоверие, страх, усталость, тоска*) отличаются от реакций молодежи (*тоска (2), одиночество, отсутствие, слеза, страх*), а общим ассоциатом, связанной с эмоциональным компонентом на стимул **синий** выделяются *страх и тоска*, имеющие негативную интерпретацию. К разряду негативных реакций калмыки относят *синяк (11), алкоголь (7), алкоголик (3), алкаш (2)*.

Реакции, связанные с временами года и погодными условиями, встречаются в негативной части: *холод, лед, зима, мороз*. Вероятно, что стимул **синий** в языковом сознании молодых корейцев и калмыков ассоциируется с холодными погодными условиями и водной стихией.

Если говорить о чувствах, состояниях, ощущениях или настроении человека, то **синий** вызывает такие реакции, как *спокойный, справедливый, активный, честность, правильный, депрессия, страх, грусть, упадок сил, тревога, пустота, бледный, упрямый, токсичный, хладнокровие*, что отражает национально-культурную специфику данного народа.

Мировосприятие двух наций **синего** цвета по результатам эксперимента можно представить в следующей таблице, где ядром ассоциативного поля синий стали *море (85), небо (50)* у калмыков и *море (36) и прохладный (27)* у корейцев.

Стимул синий	калмыки	корейцы
Ядро	<i>море 85, небо 50</i>	<i>море 36, прохладный 27</i>
Периферия 1	<i>холод 20, синяк 15, океан 14, глубина 13, иней 11</i>	<i>небо 19, нет 17, холодный 17</i>

Таким образом, проведенный эксперимент показал не только возможности уточнения особенностей языковой картины мира на примере цветолексем, но и уникальность трансформации языкового сознания во временном срезе.

В **заключении** обобщены результаты и подведены итоги диссертационного исследования.

Лингвистический анализ цветообозначений в калмыцком и корейском языках, начавшийся в конце XX в., нельзя считать исчерпывающим. Символика цвета, которая находит отражение в национальной языковой картине мира, уточняется в ходе исследования культурно значимых текстов с цветообозначениями калм. *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘желтый’, *көк* ‘синий’ и кор. *희다* (白) ‘белый’, *검다* (黑) ‘черный’, *붉다* (赤) ‘красный’, *누르다* (黃) ‘желтый’, *푸르다* (靑) ‘синий’, а также в ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента.

Цветообозначения «белый», «чёрный», «красный», «желтый» и «синий» являются базовыми как в калмыцком, так и в корейском языках и отличаются высокой частотностью. Сопоставительный анализ цветообозначений в калмыцких и корейских пословицах, поговорках и других культурно-значимых текстах показал имеющиеся сходства и различия в их символике, сочетаемости и оценочности.

В калмыцкой и корейской лингвокультурах цветообозначения «белый» и «черный» составляют оценочную оппозицию, сходство отмечается и в культурных символах, связанных с ахроматическими цветами. Однако похожие символы обладают лингвокультурной спецификой, получая в калмыцком и корейском языках противоположную оценочность (ср. черный цвет глаз как знак опасности (сглаза) в традиционных представлениях калмыков и как знак невежества, неграмотности – в корейской лингвокультуре).

Анализ цветообозначений «красный», «желтый», «синий» в культурно значимых калмыцких и корейских текстах показал значительное сходство в ценностной составляющей цветообозначения «красный»: это символ жизни, любви, выполняет функцию защиты от злых духов, может означать тяжелую жизнь в бедности, а также вступает в оппозицию с цветообозначением «синий» как противопоставление женского и мужского. В корейской лингвокультуре оппозиция красного и синего проявляется и как противопоставление невоспитанности и благородства.

Корейские паремии с цветообозначением «желтый» также демонстрируют наличие регулярной оппозиции желтого и черного, не характерной для калмыцкой лингвокультуры. Общим же в символике и оценочности цветообозначения «желтый» в калмыцкой и корейской лингвокультурах является его связь с религией, богатством, болезнью и злостью. Для корейской лингвокультуры характерна также ассоциация желтого цвета с запретом.

Как в калмыцком, так и в корейском языке цветообозначение «синий» включает в себя значения «голубой» и «зеленый». Общим в символике цветообозначения «синий» в обеих лингвокультурах является его связь с молодостью, надеждой, спокойствием, благородством. В паремиях с цветообозначением «синий» выявлены специфические лингвокультурные особенности: для корейской лингвокультуры характерна связь синего цвета со статусностью, властью и мудростью; для калмыцкой лингвокультуры – с вечным синим небом, верностью и преданностью Родине.

Цветообозначения калм. *цаһан* 'белый' и *хар* 'черный', *улан* 'красный', *шар* 'желтый', *көк* 'синий' и кор. *희다* (白) 'белый', *검다* (黑) 'черный', *붉다* (赤) 'красный', *누르다* (黃) 'желтый', *푸르다* (靑) 'синий' в различных культурно значимых контекстах могут получать положительные и отрицательные коннотации или оставаться нейтральными, обозначая собственно цвет.

Таким образом, среди элементов, составляющих культурный фон базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков, обнаруживаются как общие для народов Азии, так и этноспецифические.

Современное восприятие цветообозначений носителями калмыцкой и корейской культуры выявлено посредством ассоциативного эксперимента, в результате которого определен круг позитивных и негативных ассоциаций, связанных с изучаемыми цветообозначениями. Количественный анализ позитивных и негативных ассоциаций с каждым из цветообозначений показал минимум негативных реакций на цветообозначение *노랑* (黃) 'желтый' в группе респондентов-корейцев. Для языкового сознания калмыков характерно пересечение позитивных и негативных ассоциаций с цветообозначением

«черный»: одинаковые реакции отнесены респондентами как к позитивным, так и к негативным.

Динамика образа того или иного цветообозначения во многом зависит от смены реалий социокультурной среды; различия в восприятии и использовании основных наименований цвета могут быть обусловлены разными культурными традициями.

Ассоциативный эксперимент позволил выявить ядро и периферию ассоциативного поля каждого из исследуемых цветообозначений. Ядерные компоненты ассоциативных полей четко выражены и отличаются частотностью. Учитывая, что на формирование образа цветообозначения в сознании носителя языка оказывает влияние как индивидуальный опыт отдельного человека (его индивидуальное знание), так и культурное знание о данном цвете, стереотипы, мы отмечаем сходство в ассоциациях, составляющих ядро ассоциативного поля цветообозначений «красный» (*кровь*) и «синий» (*море*), полученных от участвующих в эксперименте калмыков и корейцев. Ассоциативные поля цветообозначений «белый», «черный», «желтый» в языковом сознании калмыков и корейцев не имеют в ядре одинаковых ассоциатов.

Анализ ассоциатов с учетом возрастных характеристик показал особенности восприятия изучаемых цветообозначений представителями молодежи и старшего поколения. В языковом сознании представителей старшего поколения респондентов-калмыков отмечаются ассоциаты, связанные с историей государства и народа, буддизмом, состоянием здоровья, психологическим состоянием в связи с осознанием конечности бытия. Молодежь наполняет ассоциативные поля цветообозначений реакциями, связанными с учебой как основным занятием школьников и студентов, а также указывающими на современные реалии, связанные с материальным положением, разнообразием продуктов питания, негативными явлениями современности (пагубные привычки, запрещенные вещества).

Ассоциативное поле базовых цветообозначений в калмыцкой и корейской языковой картине мира, частично сохраняя традиционные лингвокультурные элементы, вбирает в себя новые современные культурно отмеченные единицы. Особенно явно это утверждение иллюстрируют ассоциаты, полученные от представителей молодого поколения калмыков и корейцев. Явные лингвокультурные отличия, связанные с национальной лингвоцветовой картиной мира калмыков и корейцев, обнаруживаются в компонентах ассоциативных полей цветообозначений «белый», «желтый», «красный». Наряду с реакциями на стимулы-цветообозначения, связанными с обычными знаками повседневности (предметный мир, положительные и отрицательные эмоции, чувства), в языковом сознании молодежи, как калмыцкой, так и корейской, сохраняются основные традиционные представления о символике цвета.

Диссертационное исследование имеет **перспективы** в дальнейшем изучении базовых цветообозначений на материале художественных и публицистических текстов. Перспективными также представляются исследования в русле межкультурной коммуникации, переводоведения, также междисциплинарных направлений – социокогнитивистики, психолингвистики, этнолингвистики.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ:

1. Мукабенова Ж.А. Цвет в коммуникативном поведении калмыков / С.Н. Артаев, Б.В. Баринова, Ж.А. Мукабенова, Г.А. Горяев // Мир науки. Социология, филология и культурология. – 2019. – № 4 – Том 10. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

2. Мукабенова Ж.А. Лингвокультурологический аспект лексем «белый-черный» (на материале калмыцкого языка) / В.Н. Мушаев, М.А. Лиджиев, Б.А. Шурунгова, Ж.А. Мукабенова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 4. – Т. 11. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

3. Убушиева (Мукабенова) Ж.А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков / Убушиева (Мукабенова) Ж.А. // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – №3 (55). – С.106-113.

4. Мукабенова Ж.А. Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках / Ж.А. Мукабенова, Р.П. Харчевникова, М.У. Монраев, Д.А. Сусеева, П.Ц. Биткеев // Litera. – 2023. – № 12. – С. 206-215. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69285 EDN: FTAOCK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69285

5. Мукабенова Ж.А. Черный и белый цвет в языковом сознании калмыков и корейцев (по результатам ассоциативного эксперимента) / Ж.А. Мукабенова // Вестник Калмыцкого университета. – 2024. – №3. – С. 93-104

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

6. Мукабенова Ж.А. Лингвокологистика как способ отражения этноментальных особенностей культуры: к постановке проблемы / Ж.А. Мукабенова, А.М. Боженкова // Материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов «Язык и межкультурная коммуникация в современном мире». – Курск: Изд-во «Известия ЮЗГУ», 2015. – С. 49-53.

7. Мукабенова Ж.А. Цвет как символ в калмыцком, казахском и корейском языках / В.Н. Мушаев, Ж.А. Мукабенова, Г.М. Болат // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований. Материалы IV Международного науч. форума. – 2020. – С. 144-147.

8. Мукабенова Ж.А. Цвет в культуре корейского народа / В.Н. Мушаев, Ж.А. Мукабенова // Кореистика в России: направление и развитие. – 2021. – № 2. – Т. 2. – С. 89-93.

9. Мукабенова Ж.А. Семантика и символика цвета в языке фольклора (на примере калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар») / Ж.А. Мукабенова, В.В. Салыкова // Сравнительно-Типологические исследования (на материале монгольских и тюркских языков). Коллективная монография. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2021. – С. 123-127.

10. Убушиева (Мукабенова) Ж.А. Символика красного цвета в языковой традиции калмыков / Ж.А. Мукабенова, В.Н. Мушаев // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2022. – №3. – С. 29-35.